УДК 94(438).04
DOI: 10.24411/2311-603X_2021_3_63

Я. А. Мержва

Свободный соловей против бесхвостой лисицы: Анджей Максимилиан Фредро о преимуществе республики над монархией

Анджей Максимилиан Фредро (ок. 1620 — 1679) — один из наиболее значительных политических деятелей и публицистов Речи Посполитой второй половины XVII в. Традиционно причисляемый к идеологам «золотой шляхетской свободы», Фредро оказал большое влияние на развитие политического дискурса в польско-литовском государстве. Родившись в семье пшемысльского стольника и получив образование в Краковской академии, он довольно рано начал политическую карьеру. Первоначально пребывал при дворе короля Владислава IV и начиная с 1646 г. многократно принимал участие в сеймах. Во время первого сейма 1652 г. был избран его маршалом. В 1654 г. был назначен львовским каштеляном. В период шведского нашествия («потопа») в 1655–1660 гг., в отличие от многих недовольных правлением Яна II Казимира, остался верен монарху и был отправлен им с посольством в Трансильванию. После «потопа» активно воспротивился планам реформ, направленных на усиление королевской власти: выступал против ликвидации liberum veto (принципа единогласия при принятии решений сеймом) и введения элекции vivente rege (выбора короля при жизни его предшественника). Однако в период рокоша Любомирского — вооруженного выступления противников королевских планов — стремился к примирению сторон. В 1676 г. был назначен королем Яном III Собеским подольским воеводой, а с 1678 г. входил в состав королевского совета. Умер в Пшемысле 15 июня 1679 г.

Фредро был автором многочисленных трудов, в том числе монографии «История поляков в правление Генриха Валуа» (1652), сборника афоризмов «Поговорки разговорного языка» (1658, 1659, 1660, 1664), трактата «Фрагменты писем о мире и войне» (1660), сборника политических советов «Политико-нравственные предостережения» (1664) и других популярных произведений[1].

В 1668 г. в Амстердаме вышел первый том труда Анджея Максимилиана Фредро «О военных делах, или Советы, пригодные в военное и мирное время». В нем львовский каштелян — сообразно названию — большое внимание уделил прежде всего вопросам военного дела и экономики. Это и неудивительно: еще и десяти лет не прошло после «шведского потопа», недавно закончился рокош Любомирского, только что завершилась война с Россией, наступило перемирие с казаками и татарами. В такой ситуации Фредро, опытный политик и государственный деятель, особую необходимость видел в обеспечении обороноспособности Речи Посполитой, а также укреплении ее экономического положения, пошатнувшегося в ходе постоянных войн второй половины XVII в.

Сочинение «О военных делах» привлекало внимание исследователей, прежде всего как экономический и военный трактат. Так, Эдвард Липиньский[2] и Януш Гурский[3] обращались в своих работах к экономической мысли львовского каштеляна, Ян Виммер[4] в своей статье, посвященной анализу военной темы в трудах Фредро, также затронул данное произведение. Такой фокус вполне оправдан, и все же в трактате «О военных делах» присутствует и политическая проблематика, хотя почти нигде она не выходит на первый план, только иногда выступая как фон для экономических или военных рассуждений. И лишь в одном из приложений к трактату Фредро поместил небольшое сочинение под заголовком «Власть народа — это привилегия. Монархия хороша лишь для правителя».

Долгое время этот фрагмент оставался в тени других трудов львовского каштеляна. Так, Станислав Тарновский в своем анализе трактата «О военных делах» вообще не упоминает о данном отрывке[5]. Между тем впервые предпринятый перевод этого фрагмента на польский язык, выполненный Тадеушем Влодарчиком, был включен в антологию «700 лет польской мысли. Философия и общественная мысль XVII века», которая вышла в 1979 г. под редакцией Збигнева Огоновского[6]. В данном издании отрывок получил заголовок «О превосходстве республики над монархией». В предисловии Збигнев Огоновский указывает, что «под монархией Фредро понимает здесь государство, основанное на абсолютной власти. В этом смысле Польша была не монархией, а республикой или “государством народа”»[7], при этом под народом Фредро подразумевает шляхту[8]. Исследователь особо отмечает, что данный фрагмент является «одним из лучших и наиболее искусно написанных публицистических произведений Фредро, а его аргументы в пользу “народного” государственного

устройства должны были восприниматься сторонниками такого устройства как неопровержимые»[9].

Следующая польская версия этого текста была подготовлена Бартломеем Беднареком и Ягодой Хмелевской, осуществившими в 2015 г. первый полный перевод на польский язык латинского трактата Фредро «О военных делах»[10], составной частью которого является данный фрагмент, получивший в этом издании оригинальный авторский заголовок — «Власть народа — это привилегия. Монархия хороша лишь для правителя»[11]. В предисловии Марек Трач-Трынецкий, говоря о политической мысли Фредро, нашедшей свое выражение в трактате, часто обращается именно к этому фрагменту, содержащему важные для Фредро темы: естественное стремление человека к свободе[12], потребность общественного единства[13], необходимость ограничения королевской власти[14], соотношение свободы и богатства[15], разделение власти[16], критика абсолютизма[17], подчинение граждан, в том числе монарха, закону[18].

О каких же типах государственного устройства говорит Фредро? Безусловно, прав Збигнев Огоновский, говоря о том, что под монархией Фредро понимает абсолютную форму правления: ей он открыто противопоставляет свободную республику и «государство со смешанным устройством, т. е. народно-монархическим»[19]. Последняя категория к тому моменту уже давно закрепилась в политической теории Речи Посполитой как определение сущности ее государственного устройства. Известная во всей Европе концепция monarchia mixta[20] (смешанная монархия) опиралась на труды Аристотеля о формах государства, наилучшей из которых представлялась та, которая объединяла бы в себе три «правильных», согласно теории Аристотеля, элемента: монархический, аристократический и демократический. Это позволяло бы каждому из этих трех элементов контролировать друг друга и не превратиться в «неправильный» — тиранию, олигархию или охлократию. В рамках политической системы Речи Посполитой монархический элемент был представлен королем, аристократический — сенатом, а демократический — народом, политической нацией, т. е. шляхтой, формирующей посольскую избу.

Устройство Речи Посполитой, по мысли львовского каштеляна, — как раз «народно-монархическое», однако оно настолько близко республиканскому, что практически сливается с ним воедино: в конце концов, «Речь Посполитая» — в переводе означает «республика». Таким образом, не наличие монарха, но участие граждан — шляхты — в управлении государством является тем признаком, по которому Фредро различает монархию и республику. Анна Гжешковяк-Кравич отмечает, что если определение Речи Посполитой как «республики» эпизодически начинает встречаться с конца XVI в. (при доминировании определения «смешанная монархия»), то с конца века XVII поляки воспринимали свою страну однозначно как республику[21].

Публицистическая активность Фредро приходится именно на момент перелома в представлениях поляков о своем государстве. Такую перемену можно

считать как признаком эволюции политического устройства, так и изменения наполнения термина «республика», который уже в трудах Фредро скорее соответствует определению «народовластие», а не конкретной форме государственного устройства. При этом «республика» и «монархия» становятся в публицистике львовского каштеляна не формами государственного правления, а скорее политическими режимами, более близкими современным понятиям «демократия» и «авторитаризм». Судя по тому, что в XVIII в. в польской политической мысли к республикам относили в том числе Англию и Швецию[22], можно утверждать, что такая традиция прочно закрепилась в сознании граждан Речи Посполитой. Также можно предположить, что настойчивое определение польско-литовского государства как республики являлось попыткой на вербальном уровне закрепить неизменность политического устройства Речи Посполитой, становившегося все более уникальным на фоне роста абсолютизма в Европе. Наблюдая изменения, происходящие в европейских монархиях, граждане Речи Посполитой, с одной стороны, все отчетливее осознавали отличие своего государства от других, а с другой — стремились противостоять развитию абсолютистских тенденций в своей стране, что и выразилось в изменении политической терминологии.

Присмотримся же подробнее к аргументам, излагаемым Фредро во фрагменте «Власть народа — это привилегия. Монархия хороша лишь для правителя». Он открывается полемикой с «новыми политиками» (определение, под которым автор подразумевает сторонников сильной королевской власти). Львовский каштелян решительно отвергает аргумент, уподобляющий управление церковью управлению государством, из которого, по мнению «монархистов», следует, что монархический принцип управления церковью может быть перенесен и на государство. Во-первых, Фредро отмечает, что «ошибаются они, если от одного только короля ожидают такой разумности, так как забывают о несовершенствах человеческой натуры, которую многочисленные страсти и недостатки уводят часто на неверные дороги»[23]. Поэтому выходит, что ошибаться могут все люди. Однако «монархическое» управление церковью возможно, так как «это власть, исполняемая в порядке наместничества Бога, которой Христос обещал безошибочную и вечную опеку Святого Духа, благодаря которой папа (и то только тогда, когда поучает официально, как верховный глава Церкви) не может ошибаться». То есть непогрешимость папы как «монарха» проистекает из божественной опеки над церковью, которую он возглавляет. При этом Фредро отмечает, что даже папа может ошибаться «как частный человек», не выступая от имени Церкви. Что уж тем более можно говорить о светских правителях? Они ошибаются даже еще чаще, так как ввиду своего высокого положения подвержены гордыне. Поэтому-то и необходимы те, кто осуществлял бы надзор над королевской властью. Подобное умозаключение, правда, в смягченном виде, очень напоминает текст Генриковых артикулов, обосновывающий присутствие при дворе сенаторов-резидентов: «...поскольку твердо

установлено и доказано, что лишь одна королевская особа в столь обширных землях этого королевства не может справиться со всеми делами и поэтому Корона могла бы впасть в беспорядок и опасность»[24]. И Фредро, и авторы Генриковых артикулов сходятся в том, что правитель не может — в силу естественных причин — один управлять государством. Интересно, что речь здесь идет не о правах народа на участие в управлении своей страной и на контроль над верховной властью, но об опасности, связанной с человеческим фактором, роль которого в абсолютной монархии, по мнению Фредро, значительно возрастает. Следует обратить внимание на то, что в основе мировоззрения львовского каштеляна — не право личности на участие в политике, а чисто прагматическое стремление к наилучшему управлению государством.

При всем республиканизме Фредро не приходит в голову идея упразднения королевской власти как таковой. Характерным является утверждение: «...ни народ без короля, ни король без сената и согласия сейма ничего не могут начать: сеймы совещаются и стоят на страже того, что спасительно для народа, король возглавляет сеймы и собственным авторитетом примиряет противоречащие друг другу взгляды»[25]. Король здесь является неотъемлемым элементом, обеспечивающим примирение, как и по Генриковым артикулам: «Мы и наши потомки ничего не должны решать своей властью, а должны как можно скорее постараться, чтобы все пришли к одному мнению, принимая во внимание все, что бы отвечало правам и вольностям посполитым и большей пользе Речи Посполитой и не противоречило бы всем правам, вольностям и свободам, дарованным землям»[26]. Такая ситуация, когда «высший не может существовать без низшего», и должна обеспечивать, по мысли Фредро, бóльшую степень безошибочности, чем в случае единоличного правления. Здесь же львовский каштелян приводит контрастирующую с подобным образом правления цитату из «Истории Франции» де Грамона, иллюстрирующую самоуправство французского короля при введении новых обременительных налогов. Фредро не зря обращается к французским примерам: ведь именно Франция считалась в Речи Посполитой образцом абсолютизма[27], «типовым» абсолютистским государством. Возможно, в этом примере звучит и предостережение для поляков против профранцузской придворной партии, не оставлявшей замыслов избрания на престол короля-француза.

Фредро не исключает, что и в абсолютных монархиях король может прислушиваться к мнениям мудрейших советников, однако при этом нет никакой гарантии, что так будет поступать каждый монарх, что кому-либо из королей не захочется игнорировать советы — здесь вновь проявляется опасность человеческого фактора. Таким образом, государство становится заложником слепой судьбы: «...успех или несчастье королевств, их богатство и могущество в большей мере зависят от приговора фортуны (в зависимости от того, распоряжением судьбы, родится ли им хороший или плохой правитель), чем от их фактических возможностей»[28].

Не согласен Фредро и с идеей абсолютной монархии как древнеримской диктатуры. Политические публицисты часто ссылались на опыт древности как на своеобразный прецедент, санкционирующий существование подобных политических форм в настоящем. Львовский каштелян, отвергая идею абсолютной монархии как диктатуры, обращает внимание на экстраординарность этой магистратуры, ее временность. Действительно, диктатор назначался консулом по представлению сената не более чем на шесть месяцев с целью выполнения конкретного поручения, после чего обязан был сложить свои полномочия. Иначе говоря, разъясняет Фредро, диктаторы были обязаны своей властью свободе (назначению выборным консулом) и должны были эту свободу возвращать. Ничем же не ограниченное правление «пожизненных диктаторов» — начиная с Юлия Цезаря, превратилось в «господство гордыни», привело к гибели свободной республики, так как «чем больше императоры становились ослепленными в своей самонадеянности, тем больше в исполнении власти были единственными и предоставленными самим себе»[29], что, безусловно, вновь ставило государство в опасную зависимость от личности монарха.

Фредро приводит мнение, что «республики, клонящиеся к упадку, превращаются в государства, управляемые одним правителем, переходя как бы с высшей стадии на низшую». Однако сам он с таким рецептом решения государственных проблем не согласен. Ведь перейти от республики к монархии не так сложно. Фредро помнил недавние времена, когда Речь Посполитая была близка к такому шагу (по крайней мере, в его восприятии). Только при попытке вернуться к республике ничего подобного уже не выйдет. Не без ехидства по отношению к «монархистам» львовский каштелян пишет: «Если появился у вас случаем обременительный правитель, можешь подвергнуть эту истину испытанию: начни явно выступать за введение свободы и системы народного правления и защищай правильность своей позиции. Если завтра не поплатишься за это головой, скажешь тогда, что я говорю неправду»[30]. В этом можно усмотреть еще один недостаток абсолютизма: неспособность к мирному изменению, а насильственной смены государственного устройства Фредро как противник вооруженных гражданских противостояний одобрить, разумеется, не мог. Переход же от республики к монархии видится Фредро возможным либо в случае обмана, либо в случае принуждения силой. По-видимому, предполагаемые реформы придворной партии начала 1660-х гг. как раз и были для Фредро тем обманом, который вел Речь Посполитую к абсолютной монархии.

Рассуждает здесь Фредро и о личной безопасности граждан, утверждая, что в республиках безопасность и свободу человека хранит закон, в то время как в монархиях человек если и может чувствовать себя в безопасности, то только по изменчивой благосклонности короля. Басней о птицах — свободной, самостоятельно добывающей пищу и сидящей в золотой клетке, получающей корм от хозяина, но обязанной ему за это сладко петь, при этом считая свою судьбу лучшей, — Фредро, думается, говорит не только о личной свободе, но и о свобо-

де суждений: заключенная в клетку птица даже не осознает своего несвободного положения, вместе с тем обязана — «чтобы случаем хозяин не стал менее щедрым, или, что хуже, не впал в ярость»[31] — угождать ему пением. Такая аллегория придворной лести была вполне уместна в период формирования европейской абсолютистской идеологии с ее концепцией королевской власти, данной от Бога, а также расцветом пышного церемониала при дворе «Короля-Солнца».

Нередко Фредро апеллировал и к античной исторической традиции, благожелательной скорее к свободе и республике, чем к монархии, упоминая, в частности, о свержении правления царей в Древнем Риме как о радости освобождения, а о возвращении монархии — с сожалением об утерянной свободе.

Сильнейшим аргументом для Фредро в борьбе с идеей абсолютной монаршей власти был текст Библии. На Священное Писание ссылались многие сторонники усиления королевской власти, например Петр Скарга или Шимон Старовольский. Достаточно вспомнить, что в своих «Сеймовых проповедях» Скарга вынес в эпиграф шестой проповеди «О монархии и королевстве» просьбу народа израильского: «поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов»[32]. При этом придворный проповедник даже попытался смягчить ответ Бога: «Необходимо понять, что Господь Бог не осудил ни монархии, ни власти одного над всеми. Потому как из Египта вышли, в котором умножились, начиная от Моисея до времен пророка Самуила триста лет никогда другого над собой не имели, только одного верховного... Если бы была плоха монархия, никогда бы ее Господь Бог народу своему не пожелал бы и дать им царя тут же не приказал бы. Но сам его им дал и назначил очень хорошего первоначально Саула»[33]. Скарга явно лукавит: ни пророки, ни судьи не имели монархической власти. В некоторых местах своих «Сеймовых проповедей» Скарга впрямую называет царем Моисея, что, разумеется, неверно. Логике иезуита и подобных рассуждений Фредро как бы противопоставляет прямой ответ Господа Самуилу на просьбу израильтян о царе: «...послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними... вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет и приставит их к колесницам своим... и дочерей ваших возьмет, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы; и поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет, и отдаст слугам своим... и восстенаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда»[34]. Такой ответ не мог не восприниматься как наказание, и религиозный аргумент не мог не подействовать на читателей Фредро.

Республика тогда переходит в монархию, когда, «не заботясь о своих собственных делах, хотят жить удобно, передав себя на чье-то попечение, как то, чтобы “король вел их войны”, а также, что очевидно, принял на себя другие государственные заботы»[35]. Такое определение было явным обвинением сторонников усиления королевской власти в лености и трусливости, тем более остро

прозвучавшим для польского шляхетского общества, политическая культура которого, по меткому замечанию Эдварда Опалинского, была культурой участия, а не культурой подданства[36]. Принимая участие в функционировании собственного государства, политический народ осознавал себя гражданами, а свою страну — республикой. Таким образом, абсолютизм, согласно Фредро, является не только выражением деспотизма и произвола монарха, но и исчезновения гражданских качеств в самом обществе. Такое обвинение могло больно ударить по шляхетскому самолюбию и произвести значительный эффект на читателя. Особенно хочется отметить следующий пассаж Фредро: «Повторяю же, что свободное государство только тогда склоняется к монархии, когда народ подвергнется развращению через расточительство, распутство, лень, *стремление к частному благу с упущением блага всеобщего*»[37]. Здесь мы вполне можем убедиться в отсутствии у Фредро «шляхетского индивидуализма». Особо следует подчеркнуть: стремление к частному благу в ущерб общему осуждается как противниками, так и сторонниками усиления королевской власти, разница состоит лишь в том, в чем конкретно проявляется такое стремление: если для «монархистов» (например, Шимона Старовольского) стремление к частному благу — это нежелание во всех вопросах подчиниться королю, то для «республиканцев» — это отречение от своей обязанности участия в делах Речи Посполитой, отказ от ответственности за жизнь республики.

Что интересно, Фредро вполне готов допустить, что «потаенное распоряжение Божества навязывает абсолютную монархию с неотразимой необходимостью стольким народам Западной Европы. Если бы их не сдерживал страх абсолютной власти, воспользовались бы тогда разнузданной свободой; поэтому для них болезнь — нечто более позитивное, чем полное здоровье». И после такой нелицеприятной констатации Фредро спешит поделиться своими впечатлениями: «Я видел и запомнил, что там гораздо больше поединков, что больше совершается заказных убийств, что гораздо чаще прибегают к яду, похищают людей, прелюбодействуют и что беспокойные умы чаще допускают иные дерзости, как в частных целях, так и против всеобщего блага; гораздо чаще, скажу, чем в нашей Польше, которой только злословие некоторых писателей вменяет распоясанную свободу или непорядок»[38]. То есть существуют такие условия, при которых республика может превратиться в монархию, но Речь Посполитая, по мнению львовского каштеляна, в такой трансформации не нуждается. Понятно, что Фредро в вышеприведенном отрывке прежде всего имеет в виду Францию и французские нравы. Это сравнение должно было не только продемонстрировать читателю превосходство Речи Посполитой над абсолютными монархиями, но и предостеречь от порчи нравов в польско-литовском государстве.

Фредро признает, что и в Речи Посполитой «достаточно часто выступают проявления хаоса»[39], однако нельзя в них винить народ или политическое устройство (как это делают «некоторые писатели»), так как настоящими винов-

никами таких недоразумений являлись монархи, ведь «в них как бы сконцентрирована вся сила исполнительного действия»[40]. С точки зрения антикоролевской оппозиции, в гражданском противостоянии действительно был виноват король, не исполнивший своих обещаний править в согласии с законом и предвыборными обещаниями: именно он первым нарушал договоренности, а оппозиция лишь стремилась вернуть короля в рамки закона.

Что касается роли короля, то она видится львовскому каштеляну так: «Действия, имеющие целью достижение блага, а также способность объединения принадлежат полностью королю, стоит король над страстями и способен предпринимать то, что хорошо, настаивать, чтобы было исполнено, объединять, что разделено, придавать значение делам и добиваться их решения, обращая одних к исполнению их обязанностей, а других, в силу существующего закона и с согласия народа, наказанием принуждать к исправлению»[41]. Таким образом, король по мысли Фредро все же является высшим авторитетом в государстве, несмотря на ограничения его власти. За ним фактически остается «последнее слово» — то, что львовский каштелян называет «способностью объединения» (если оно не касается, конечно, радикального изменения государственного устройства). Такая функция короля — примирять различные точки зрения, а значит, фактически иметь решающий голос при наличии разногласий — была отмечена еще в Генриковых артикулах. Без преувеличения можно сказать, что король в представлении Фредро является символом единства государства.

Львовский каштелян осуждает и то, что в абсолютных монархиях решения принимаются втайне. Он задается вопросом: если решение направлено на благо, то зачем же скрывать его подготовку? Если же решение — как это часто случается в монархиях — наносит ущерб гражданам, то оно и не должно приниматься. В то время как в монархиях тайно готовятся заговоры против всего народа или лучших граждан, никто не имеет возможности их предотвратить, когда же достойнейшие повержены, некому уже сопротивляться тирану. А если такое сопротивление и имеет место, то оно называется бунтом и восстанием: «...сопротивление злу с опорой на закон и поднятое имя свободы носят у них название бунтов и волнений; не потому, что так есть, но потому что это дает предлог, чтобы уничтожать тех храбрейших граждан. В свою очередь, боязливые, ленивые, праздные считаются, благодаря своей лени, невинными и спокойными»[42]. На таком контрасте Фредро показывает прежде всего, что участие в управлении государством, опека над сохранением его обычаев и законов является не правом гражданина, но его обязанностью, неизменной целью его политической деятельности, в которой свобода является важнейшим орудием. Принцип Фредро мог бы быть выражен как «не республика для гражданина, но гражданин для республики». Нельзя не отметить, что такое восприятие было весьма далеко от «шляхетского индивидуализма», часто приписываемого львовскому каштеляну.

Наконец, что обращает на себя внимание, Фредро открыто сомневается в искренности европейских писателей - сторонников абсолютизма, сравнивая их с лисицей из басни Эзопа, расхваливающей отсутствие хвоста. Вообще данный отрывок из трактата «О военных делах», посвященный монархии и власти народа, весьма богат не только традиционными для львовского каштеляна отсылками к древней истории и современности. Достаточно редкие в его публицистике цитаты из Библии, а также литературные аллюзии (сказка о соловьях, басня Эзопа) придают данному сочинению богатую и изящную барочную форму, так что трудно не согласиться с вышеупомянутым мнением Збигнева Огоновского о нем как об одном из лучших публицистических произведений Фредро.

Львовский каштелян бьет по самому весомому аргументу сторонников абсолютной власти, утверждающих, что неограниченная власть короля обеспечивает единство, мир и спокойствие государства. Он показывает абсолютизм как государственное устройство, в котором отсутствует надежная опора на закон, заменяемая слепой судьбой и произволом монарха, неспособного в одиночку справляться с управлением государством, принимающего волюнтаристские решения и ограничивающего свободу своих подданных. При этом, что важно, на примере Франции он опровергает представление о внутреннем мире и спокойствии в абсолютистских государствах. Фредро решительно отвергает (по разным причинам) проведение параллелей между абсолютной властью монарха и властью папы, властью диктатора в Древнем Риме или властью царей Израиля. В то же время львовский каштелян, согласно устоявшейся политической традиции, сравнивает Речь Посполитую с Римской республикой. Это привычное для читателя Фредро сравнение дополнялось созвучием его тезисов с Генриковыми артикулами — основным документом, определявшим государственное устройство Речи Посполитой. Наконец, для граждан польско-литовского государства лестным было представление о том, что их «республика» зиждется на их же добродетелях, в то время как подданные «монархии» вынуждены терпеть все тяготы своего положения прежде всего по своей вине.

Собственно, именно использование данных аргументов, соответствующих основным политическим установкам шляхты и одновременно их воспроизводящих и усиливающих, сделало Анджея Максимилиана Фредро одним из самых влиятельных политических публицистов Речи Посполитой, чье творческое наследие, как показывают интенсивные исследования и публикации Фредро в современной Польше, вызывают глубокий интерес в научной среде.

[1] Andrzej Maksymilian Fredro (ok. 1620 — 1679) // Bibliografia literatury polskiej “Nowy Korbut”. T. 2. Warszawa, 1964. S. 157–160; *Czapliński W.* Fredro Andrzej Maksymilian (zm. 1679) // Polski słownik biograficzny. T. VII. Kraków: Instytut Historii PAN, 1948–1958. S. 114–116.

[2] *Lipiński E.* A. M. Fredro Ideolog Kultury Przemysłowej // Studia nad historią polskiej myśli ekonomicznej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956. S. 285–321.
[3] *Górski J.* Poglądy merkantylistyczne w polskiej myśli ekonomicznej XVI i XVII wieku. Wrocław; Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1958. S. 175–223.
[4] *Wimmer J.* Andrzej Maksymilian Fredro jako projektodawca reform wojskowych // O naprawę Rzeczypospolitej XVII XVIII wieku. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965. S. 109–124.
[5] *Tarnowski S.* Andrzej Maksymilian Fredro: Charakterystyka literacka // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału Filologicznego Akademii Umiejętności. T. IV. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1876. S. 199–218.
[6] *Fredro A. M.* O wyższości rzeczypospolitej nad monarchią // Filozofia i myśl społeczna XVII wieku / Pod. red. Z. Ogonowskiego. Część I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 331- 338.
[7] *Ogonowski Z.* Wstęp // Filozofia i myśl społeczna XVII wieku / Pod. red. Z. Ogonowskiego. Część I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 15.
[8] *Ogonowski Z.* Andrzej Maksymilian Fredro (ok. 1620 — 1679) // Filozofia i myśl społeczna XVII wieku / Pod. red. Z. Ogonowskiego. Część I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 300.
[9] Ibid. S. 300.
[10] *Fredro A. M.* Militarium I. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2015.
[11] *Fredro A. M.* Władza ludu to przywilej. Monarchia jest dobra najwyżej dla władzy // Fredro A. M. Militarium I. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2015. S. 715–735.
[12] *Tracz-Tryniecki M.* Wstęp // Fredro A. M. Militarium I. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2015. S. 81.
[13] Ibid. S. 92.
[14] Ibid. S. 94.
[15] Ibid. S. 96–97.
[16] Ibid. S. 97–98.
[17] Ibid. S. 101–103.
[18] Ibid. S. 103–104.
[19] *Fredro A. M.* O wyższości rzeczypospolitej nad monarchią // Filozofia i myśl społeczna XVII wieku / Pod. red. Z. Ogonowskiego. Część I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 333.
[20] См., например: *Markiewicz M.* Historia Polski. 1492–1795. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2009. S. 30–33.
[21] *Grześkowiak-Krwawicz A.* Polskie poglądy na monarchie europejskie // Rozkwit i upadek I Rzeczypospolitej / Pod red. R. Batterwicka. Warszawa: Bellona, 2010. S. 150.
[22] Ibid. S. 150.
[23] *Fredro A. M.* O wyższości rzeczypospolitej nad monarchią // Filozofia i myśl społeczna XVII wieku. Część I / Pod red. Z. Ogonowskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 331.
[24] *Godek S., Wilczek-Karczewska M.* Historia ustroju i prawa w Polsce do 1772/1795. Wybór źródeł. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006. S. 94.
[25] *Fredro A. M.* O wyższości rzeczypospolitej nad monarchią // Filozofia i myśl społeczna XVII wieku. Część I / Pod red. Z. Ogonowskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 332.
[26] *Godek S., Wilczek-Karczewska M.* Historia ustroju i prawa w Polsce do 1772/1795. Wybór źródeł. Warszawa, 2006. S. 94.
[27] *Grześkowiak-Krwawicz A.* Polskie poglądy na monarchie europejskie // Rozkwit i upadek I Rzeczypospolitej / Pod red. R. Batterwicka. Warszawa: Bellona, 2010. S. 151.
[28] *Fredro A. M.* O wyższości rzeczypospolitej nad monarchią // Filozofia i myśl społeczna XVII wieku. Część I / Pod red. Z. Ogonowskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 333.
[29] Ibid. S. 333.
[30] Ibid. S. 334–335.

[31] Ibid. S. 335.
[32] *Skarga P.* Kazania sejmowe. Wrocław: Oficyna Wydawnicza FOKA, 2010. S. 109.
[33] Ibid. S. 109–111.
[34] Перевод по изданию: Библия. М.: Российское библейское общество, 2008. С. 264.
[35] *Fredro A. M.* O wyższości rzeczypospolitej nad monarchią // Filozofia i myśl społeczna XVII wieku. Część I / Pod red. Z. Ogonowskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 336.
[36] *Markiewicz M.* Historia Polski. 1492–1795. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2009. S. 143.
[37] *Fredro A. M.* O wyższości rzeczypospolitej nad monarchią // Filozofia i myśl społeczna XVII wieku. Część I / Pod red. Z. Ogonowskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 336.
[38] Ibid. S. 336–337.
[39] Ibid. S. 337.
[40] Ibid.
[41] Ibid.
[42] Ibid. S. 338.

References

Andrzej Maksymilian Fredro (ok. 1620 — 1679) [Andrzej Maksymilian Fredro (c. 1620–1679). In Polish] // Bibliografia literatury polskiej "Nowy Korbut". T. 2. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1964. S. 157–160.

CZAPLIŃSKI W. *Fredro Andrzej Maksymilian* [Fredro Andrzej Maksymilian. In Polish] // Polski slownik biograficzny. T. VII. Kraków: Instytut Historii PAN, 1948–1958. S. 114–116.

FREDRO A. M. Militarium I. [Militarium I. In Polish]. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2015.

FREDRO A.M. *O wyższości rzeczypospolitej nad monarchią* [About the Advantages of a Republic over a Monarchy. In Polish] // Filozofia i myśl społeczna XVII wieku / Pod. red. Z. Ogonowskiego. Część I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 331–338.

GODEK S., WILCZEK-KARCZEWSKA M. *Historia ustroju i prawa w Polsce do 1772/1795. Wybór źródeł.* [History of Governance and Law in Poland before 1772/1795. In Polish]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006.

GÓRSKI J. *Poglądy merkantylistyczne w polskiej myśli ekonomicznej XVI i XVII wieku.* [The Mercantilist Views in the Polish Economic Thought of XVI and XVII Centuries. In Polish]. Wrocław; Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1958.

GRZEŚKOWIAK-KRWAWICZ A. *Polskie poglądy na monarchie europejskie* [The Polish Views on the European Monarchies. In Polish] // Rozkwit i upadek I Rzeczypospolitej / Pod red. R. Batterwicka. Warszawa: Bellona, 2010. S. 149–165.

LIPIŃSKI E. *A. M. Fredro — ideolog kultury przemysłowej* [A. M. Fredro as an Ideologue of the Industrial Culture. In Polish] // Studia nad historią polskiej myśli ekonomicznej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956. S. 285–321.

MARKIEWICZ M. *Historia Polski. 1492–1795.* [History of Poland. 1492–1795. In Polish]. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2009.

OGONOWSKI Z. *Andrzej Maksymilian Fredro (ok. 1620 — 1679)* [Andrzej Maksymilian Fredro (c. 1620–1679). In Polish] // Filozofia i myśl społeczna XVII wieku / Pod. red. Z. Ogonowskiego. Część I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 299–301.

OGONOWSKI Z. *Wstęp* [Introduction. In Polish]. // Filozofia i myśl społeczna XVII wieku / Pod. red. Z. Ogonowskiego. Część I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 9–89.

SKARGA P. *Kazania sejmowe.* [Sejm Sermons. In Polish]. Wrocław: Oficyna Wydawnicza FOKA, 2010.

TARNOWSKI S. *Andrzej Maksymilian Fredro: Charakterystyka literacka* [Andrzej Maksymilian Fredro: Literary Characteristics. In Polish]. // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału Filologicznego Akademii Umiejętności. T. IV. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1876. S. 158–262.

TRACZ-TRYNIECKI M. *Wstęp* [Introduction. In Polish]. // Fredro A. M. Militarium I. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury, 2015. S. 15–151.

WIMMER J. Andrzej Maksymilian Fredro jako projektodawca reform wojskowych [Andrzej Maksymilian Fredro as an Author of Military Reform Projects. In Polish]. // O naprawę Rzeczypospolite XVII–XVIII wieku. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965. S. 109–124.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Я. А. Мержва. Свободный соловей против бесхвостой лисицы: Анджей Максимилиан Фредро о преимуществе республики над монархией // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3. С. 63–75

Аннотация: В статье рассматривается фрагмент трактата «О военных делах» (1668) одного из наиболее влиятельных польских публицистов второй половины XVII в. Анджея Максимилиана Фредро (ок. 1620 – 1679). Рассматриваемый отрывок, посвященный превосходству республики над монархией, ранее редко становился объектом внимания исследователей, между тем он являет собой одно из наиболее ярких и образных сочинений львовского кастеляна. Отмечается, что понимание «республики» и «монархии» в труде Фредро не соответствует современным представлениям: так, Речь Посполитая, во главе которой стоял король, определяется публицистом как «республика», «монархиями» же Фредро называет государства, в которых господствует абсолютизм. Львовский кастелян последовательно критикует абсолютистские порядки, которые, по его мнению, уничтожают свободу и гражданские добродетели. Автор показывает, что абсолютизм в понимании Фредро является источником не стабильности и спокойствия, а неуверенности, страха и господства частных интересов над общественными. Демонстрируется, что в своей аргументации львовский кастелян придерживается закрепившегося как в польской политической публицистике, так и нормативных документах политического дискурса, воспроизводя и усиливая его важнейшие элементы.

Ключевые слова: Анджей Максимилиан Фредро, Польша, Речь Посполитая, республика, монархия, абсолютизм, королевская власть.

FOR CITATION

Ya. Merzhva. The Free Nightingale vs. the Tailless Fox: Andrzej Maksymilian Fredro about the Advantages of a Republic over a Monarchy // Petersburg historical journal, no. 3, 2021, pp. 63–75

Abstract: The article deals with the fragment of the treatise "Militarium seu axiomatum belli" (1668) written by one of the most influential Polish political writers in the second half of 17th century Andrzej Maksymilian Fredro (c. 1620 – 1679). The extract concentrated on the advantages of a republic over a monarchy was rarely examined, although it is one of the brightest and most colourful essay of the castellan of Lwów. The author notes that the terms "republic" and "monarchy" in Fredro's work don't coincide with contemporary meanings of these words: so the Polish-Lithuanian Commonwealth headed by a king is defined by the writer as "republic", while the term "monarchy" is reserved only for absolutist states. The castellan of Lwów consistently criticizes the absolutist order which, in his opinion, destroys the freedom and the civic virtues. The author shows that absolutism in Fredro's interpretation is a source not of stability and calm, but of insecurity, fear and dominance of private interests over public ones. It's demonstrated that the castellan of Lwów in his argumentation follows the political discourse established both in Polish political writings and normative acts, so he reproduces and strenghtens its most important elements.

Key words: Andrzej Maksymilian Fredro, Poland, Polish-Lithaunian Commonwealth, republic, monarchy, absolutism, royal power.

Автор: **Мержва, Ян Александрович** – кандидат исторических наук.
Автор: **Merzhva, Yan Alexandrovich** – PhD in History.
E-mail: mierzwaspb@gmail.com